

**АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ**



**ТЕНЬ НЕМЕЦКИХ
КРЫЛЬЕВ**



МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Тень немецких крыльев / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-226089-6

После лечения в госпитале капитан Глеб Шубин возвращается в свою часть. По дороге он становится свидетелем воздушного боя: советский самолет атаковали три немецких истребителя. В результате неравной схватки наша машина была подбита. Пилоту удалось выпрыгнуть с парашютом и приземлиться где-то на нейтральной полосе. Об увиденном Шубин доложил командованию. Оказалось, что это наш авиаразведчик возвращался с задания с особо ценными сведениями об обороне противника. Капитану приказано срочно найти летчика и доставить в штаб. Шубин с группой бойцов отправляется на задание, еще не зная, что с другой стороны за ценным асом уже начали охоту лучшие немецкие лазутчики...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-226089-6

© Тамоников А.А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Фронтовые пути-дороги... Сколько вас уже было у меня за эти долгих три года? А может быть, это была только одна дорога? Одна на все это огромное пространство войны. Ведь куда бы я ни ехал, куда бы ни шел, а картина везде одна и та же. Вся земля изрыта оспинами от снарядов и авиабомб, утоптана множеством сапог проходящей по ней пехоты, обезображена колеями, вырытыми колесами грузовиков и артиллерии, изранена множественными шрамами, оставленными гусеницами танков. И не видно конца и края этой дороге. И есть ли он, этот конец, и дойду ли я до него? Увижу ли его? Многие уже никогда не увидят и не дойдут. Для них этот бесконечно долгий и тяжелый земной путь уже закончился, и где-то высоко, на звездном Млечном Пути, для них проложена другая дорога. И эта дорога для них будет куда легче, чем для тех, кто остался тут, на земле. Нам еще предстоит идти и пробиваться вперед

в этом огненном аду... Долго ли? Неизвестно. У каждого свой срок. И не все, кто еще остался, дойдут до конца этой дороги. Не все увидят, когда она закончится, хотя с самого начала пути было известно, что ведет она до Берлина. Но путь, проложенный на карте, — это совсем не тот путь, который нам предстоит протопать по земле. И расстояние от одной точки до другой, где бы эти две точки ни находились, удлинняется в два, а то и в три раза, когда идешь через черную и непроглядную огненную бурю нескончаемых боев».

Такие вот невеселые думы одолевали Глеба Шубина, который ехал в трясучем кузове грузовика и глядел на уходящую от него к горизонту дорогу. Уже вторые сутки он добирался до места своего нового назначения вот так — на попутных машинах. До этого были дни, проведенные в эшелонах, идущих в нужную ему сторону. А еще много километров было пройдено пешком. И километры эти Глеб не считал. Что было толку их считать? Все равно сбился бы со счета. Украина — это огромная территория. Ведь даже если добираться с одного конца республики в другой ее конец, то и в мирное время понадобится бы не один день, а что уж говорить о том, чтобы передвигаться по ней в эти тяжелые для всей Советской страны годы?

Время уже давно перевалило за полдень. Было душно даже в открытом кузове грузовика. Рыжая

степная пыль клубилась и, поднимаясь из-под колес, разносилась по обе стороны дороги. По обочине шагали уставшие от долгого перехода, пыли и жары пехотинцы. Словно желая разбавить эту живую реку из людского потока, вклинивались между ротами и батальонами пехотинцев конные обозы. Лошади тянули тяжелые орудия или были запряжены в телеги, в которых грудой был навален разный необходимый на войне инвентарь. Изредка попадалась и конная полевая кухня. Повар, чаще всего полный и румяный, восседая на козлах, свысока, словно король, обозревал топтавшую по краю дороги пыль пехоту и добродушно огрызался на отпускаемые ему солдатами скабрзные шуточки. Несмотря на усталость, бойцы, завидев походную кухню, еще находили в себе силы шутить, смеяться и даже напевать не очень приличные частушки, в которых высмеивали и самого повара, и его нехитрую стряпню.

После апрельских событий по освобождению Одессы, когда Шубина контузило во время выполнения последнего задания, прошло без малого три месяца. Почти полтора месяца он провалялся в госпитале. Думал, что совсем оглохнет, но слух постепенно вернулся к нему, причем полностью, что не могло не радовать Глеба. Какой бы тогда из него был разведчик, если бы он вдруг стал глухим, как тетерев? Там же, в госпи-

тале, ему вручили орден Отечественной войны второй степени и приказ о назначении ему месячного отпуска за заслуги перед Родиной.

Сначала Шубин даже обрадовался. В отпуске он с самого начала войны не был, а ведь отпуск — желанная мечта всякого солдата. Но потом радость угасла, и желание ехать куда-то в глубокий тыл пропало. Матери он написал, что жив и здоров, но сам к ней ехать передумал. Почему? Потому что это для него отпуск в радость, а для матери здесь больше горя, чем радости. Ведь после отпуска ее сыну предстоит вернуться на фронт, и кто знает, как все сложится дальше? Может так стать, что отпуск будет последней встречей матери и сына. Последняя встреча — это всегда горькая встреча...

Поэтому Шубин решил провести отпуск в Таганроге, где он проходил дальнейшее лечение после выписки из военного госпиталя. Он снял комнатенку у одной молодой вдовы, которая жила с четырехлетним сынишкой в самом центре городка, и первое время по большей части отсыпался. Женщина, которую звали Людмила, работала на котельном заводе и уходила на работу рано, а возвращалась поздно. За мальчиком Валькой обычно присматривала старушка-соседка, забиравшая его к себе на весь день. Но когда она заболела, Людмиле пришлось просить Глеба побыть с Валькой и присмотреть за ним

ТЕНЬ НЕМЕЦКИХ КРЫЛЬЕВ

хотя бы несколько дней, пока она не найдет ему новую няньку.

Глеб улыбнулся, вспоминая этот свой хотя и короткий, но весьма забавный отпускной период. Валька оказался спокойным, но любопытным ребенком. Ему все было интересно, и вопросов к Глебу, как к новому для него человеку, у Вальки было много. Глеб, который никогда еще не общался с такими маленькими детьми, сначала чувствовал себя неловко. Но затем привык и даже начал получать некоторое удовольствие от общения с мальчиком. Единственное, что его все еще смущало, это вопросы Вальки о своем отце.

— Дядя, а ты, случайно, не мой папка?

В первый раз такой вопрос Валька задал Глебу, когда тот ночевал у них в доме свою первую ночь. Вдова выделила ему небольшую комнатку, в которой обычно спал ее сынишка. Мальчика она временно взяла к себе.

Рано утром того дня Шубин проснулся от ощущения, что на него кто-то пристально смотрит. Он открыл глаза и увидел, что за окном еще темно, а рядом с его кроватью сидит на стуле Валька и смотрит на него. Из окна на мальчика падал свет от заходящей луны, и оттого казалось, что его глазенки блестят каким-то необычным, волшебным светом.

— Привет, — сказал ему Глеб, показывая, что он проснулся и увидел малыша.

Вот тогда от мальчика и прозвучал вопрос, который не просто застал Шубина врасплох, но и поверг в смятение.

— Тебя как зовут? — задал он встречный вопрос, чтобы хоть как-то скрыть свое смущение.

— А ты разве не знаешь? Я — Валька, — ответил мальчик.

Больше Шубин ничего не успел сказать. В комнату быстро вошла женщина и, взяв мальчика на руки, сказала, обращаясь к Глебу:

— Ох, простите меня! Не усмотрела я за ним, крепко спала, как постреленок проснулся, даже не почувствовала. Разбудил он вас, уж извините его. Валек, ну что же ты не даешь дяде спать? — укоризненно сказала она мальчику. — Он раненый на войне, ему отдыхать надо, а ты что вытворяешь? Простите, — снова извинилась она и вместе с мальчиком быстро вышла из комнаты, притворив за собой дверь.

Уже из-за закрытой двери до Шубина донесся громкий шепоток малыша:

— Мамка, а это мой папка, да? Он уже вернулся с войны и с нами останется?

Женщина что-то ответила, но так тихо, что Глеб не расслышал ее слов. И только поздно вечером того же дня, когда Людмила, вернувшись со смены, уложила Вальку спать и села с Шубиным почаевничать, он узнал и о ее вдовстве, и о том, что она так и не решилась сказать мальчику, что

его отец погиб еще в начале сорок второго года. Вот Валька и ждет, когда папка вернется. И во всяком военном, который даже просто проходит мимо их дома, готов признать своего отца, которого он почти и не помнит. Разве что просит иногда маму показать ему отца на единственной сохранившейся в доме фотографии.

Отдыхал и бездельничал Шубин только первые три дня. Да и то в эти дни он ходил на рынок и накупил на свои отпускные для Людмилы и Вальки кучу разных продуктов. Он и потом нередко приносил мальчику разные гостинцы, которые ему удавалось раздобыть на местном базарчике: то леденцового петушка на палочке, то пряник, а то и плюшку с маком. Хотя и голодно еще было в освобожденном в прошлом году Таганроге, но все же кое-какое лакомство для Вальки иногда отыскать на местном рынке уже было можно.

Потом Шубин стал находить для себя в доме Людмилы нехитрую, но чисто мужскую работу — починил и смазал вставшие уже как год назад ходики, отремонтировал пару табуреток, наколот дров из сухих вязов, что стояли во дворе, поправил покосившуюся входную дверь. Да мало ли дел найдется в доме одинокой женщины для мужчины?

Мальчик за те несколько дней, что они были вместе, привязался к Глебу и иногда, забыва-

ясь, называл его папкой, чем каждый раз вводил Шубина в смущение. Уже через пять дней мать нашла сыну новую няньку — девочку лет четырнадцати. И расставался Валька с Глебом неохотно. Впрочем, Шубину и самому поначалу было жалко, что их с Валькой дружба закончилась так быстро. Но потом понял, что такое расставание было лучше и для мальчика, и для него самого. Нельзя им обоим сильно привязываться друг к другу, не время.

Внезапно к Шубину пришло осознание, что он начал привыкать к этой размеренной мирной жизни, и он испугался этого своего открытия. Как он мог так расслабиться? Ведь его место не здесь, а на фронте. Его фронтовая дорога не закончена, по ней еще шагать и шагать... И он решил не догуливать отпуск до конца, а вернуться в часть.

Еще почти две недели у него ушло, чтобы догнать свой полк, который за то время, пока он валялся в госпитале и отдыхал в отпуске, с боями продвинулся практически до Днестра — реки, что протекала в Молдавии.

Возвращаясь в полк под командованием полковника Зубарева, Шубин и не подозревал, что его снова ждет дорога. Но уже не та, которая поведет 3-ю Украинскую армию в сторону Румынии, а совсем другая, — но все равно ведущая к той единственной точке на карте, к которой

стремились сейчас все бойцы из освободительной Советской армии, — к Берлину.

— А, капитан Шубин! Явился, значит! — добродушно и как-то буднично, словно Глеб и не отлучался из полка на целых два с лишним месяца, встретил его Зубарев. — Заходи. Чайку с дороги? — спросил он и, не дожидаясь ответа, попросил ординарца: — Организуй нам. С сахаром, — и подмигнул Шубину.

Зубарева в полку любили все — от простых солдат до особистов, которым вообще не положено никого любить. Работа у них была такая — всех подозревать, а значит, никого не любить. Но Николая Трофимовича Зубарева, который относился ко всем — и к командирам, и к солдатам, и даже к работникам НКВД — по-отечески, справедливо, по-доброму и в то же время жестко, не спуская никому оплошностей, вранья и лени, которые могли привести к гибели пускай не всего полка, но даже нескольких солдат, уважали.

— Что, не догулялось, значит, тебе на воле? На фронт потянуло? — поинтересовался он у Глеба, когда тот достал из своего вещмешка гостинец для командира — пачку папирос «Казбек», которую выменял на таганрогском базаре на свой старый армейский кожаный ремень.

Мужичонка, который продавал дефицитный «Казбек», поначалу ремень брать не хотел, но Шубин его уговорил:

— Отец, тебе что, жалко, что ли, пару пачек папирос за него отдать? Я не себе, а своему боевому командиру покупаю. Сам-то я не курю. Гляди, какой справный ремень! Настоящая кожа.

Сговорились только на одну пачку. Но Шубин не пожалел о невыгодной сделке, так как знал, что Николай Трофимович будет рад и такому малому подарку. Хорошие папиросы на войне — на вес золота. А «Казбек» — это еще и напоминание о мирной жизни, о довоенном, счастливом времени.

— Подарок хорош. Спасибо тебе, капитан, — поблагодарил Зубарев.

Вошел ординарец, принес завернутый в тряпицу кусок сахара. Полковник сам его наколол своим армейским фирменным ножом и, протянув кусок Шубину, который наливал кипяток в кружки, спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, товарищ полковник, — серьезно кивнул Шубин и посмотрел на Зубарева, подозревая, что тот не просто так поинтересовался его здоровьем.

Полковник такие вопросы, считающиеся глупыми на войне, обычно не задавал. Если действительно пожелал бы узнать, как здоровье одного из лучших разведчиков его полка, он и тогда задавать такой вопрос напрямую не стал бы. Ему достаточно было просто посмотреть на Шубина,

и он все о нем сразу же и понял бы, так как был человеком проницательным. Без этого командовать полком — дело немыслимое.

— Тут такое дело, Глеб, — Зубарев нахмурился и опустил голову, а потом нехотя продолжил: — Такое, значит, дело... Пока ты был в отпуске, на тебя приказ пришел. Забирают тебя у нас. Так вот, значит... Сегодня отдыхай, а послезавтра я тебя с попуткой отправлю до ближайшей станции. А дальше уж сам, как придется, добираться до Западной Украины. Бумаги, какие положено, я тебе выдам. Ну а пока пей чай и рассказывай, как там, за нашими плечами, мирная жизнь налаживается.

На следующее утро, выдавая Шубину документы и приказ о новом назначении, Зубарев с сожалением в голосе произнес:

— Жаль, капитан, с тобой расставаться. Мне бы и самому такой опытный разведчик пригодился. Да уж куда деваться? Приказ есть приказ. Значит, там, куда тебя направляют, ты нужнее, чем здесь. А потому мое дело — исполнить приказ в точности. Вот так-то.

Шубин молчал. Он вообще был немногословен и предпочитал больше слушать и выполнять, чем говорить и отдавать приказания. Наверное, именно поэтому он, хотя и дослужился за эти три года с лейтенантского звания до звания капитана, предпочел руководящей работе

при штабе оперативную разведку. Зубарев не раз предлагал ему возглавить разведку полка, но Шубин каждый раз отказывался, ссылаясь на то, что не сможет посылать других в тыл врага на опасные задания, а сам при этом оставаться в безопасности под крылом штабного командира. Не привык он, мол, к такому раскладу и не желает ничего менять в своей боевой жизни. В конце концов, полковник сдался и оставил Шубина в покое.

— Вот, возьми на память, — Зубарев протянул Шубину свой полевой бинокль. — Больше я тебе ничего от себя лично дать не могу. Обычно принято с руки командирские часы снимать и дарить, но у меня, так уж получилось, нет сейчас для тебя часов. Были хорошие часы, да я их во время последнего наступления разбил. А новых мне пока никто не прислал, — виновато улыбнулся он.

Шубин, чуть помедлив, принял подарок из рук командира и поблагодарил:

— Спасибо вам, Николай Трофимович. Подарок ваш как раз ко времени. Я свой бинокль еще перед наступлением на Одессу потерял. Вернее, он тоже, как и ваши часы, разбился во время налета немцев.

— Ну, значит, я угадал с подарком. — Зубарев похлопал Шубина по плечу и проводил его до ожидавшего капитана полкового автомобиля. —

Вот, мой шофер подбросит тебя до поворота. А там — пару километров до станции пешочком протопаешь. Ну да тебе не привыкать километры отматывать.

— Нам всем не привыкать, — ответил Глеб и распрощался с полковником...

И вот теперь он, капитан Шубин, тряся в кузове попутного грузовика по разбитой колеями и ямами дороге, вспоминал все эти события, и ему казалось, что и его контузия, и его отпуск, и его прощание с Зубаревым были только сном. А на самом деле он уже целую вечность едет куда-то, все вперед и вперед, и конца-края не видно этому бесконечному пути. Или, может, он и не двигается вовсе, а стоит на месте, и это дорога сама движется от него, удаляется и прячется за горизонт? А вместе с ней убегают за горизонт бесконечные вереницы военной техники, лошадей, пехоты...

Глеб вздохнул, поднялся и, развернувшись, стал смотреть вперед, крепко держась то за борт кузова, то за кабину. Но и впереди, по всей длине дороги до самого горизонта он видел все ту же картину — бесконечный поток людей и машин, серой массойдвигающихся на запад. А еще впереди, чуть правее, ближе к линии горизонта, он увидел темнеющую полосу леса и понял, что уже очень скоро приедет на новое место своей

службы. И ему вдруг захотелось как можно быстрее добраться до этого леса и окунуться в привычную для него жизнь фронтового разведчика. Пусть и смертельно опасную, но такую нужную для победы.

Через полчаса тряской езды и подпрыгиваний на ухабах машина наконец остановилась. Шубин огляделся и увидел неподалеку от дороги в подлеске две палатки с крестами, а возле них санитаров и раненых. Значит, все, значит, его поездка на попутке закончилась и дальше ему предстоит топтать сапогами обочину дороги. Выпрыгнув из кузова, Шубин услышал, как его окликает водитель.

— Товарищ капитан, пойдите сюда, что скажу.

Шубин направился к нему, но, не доходя пары шагов, остановился, так как к водителю подошла пожилая докторша и стала недовольно ему выговаривать и упрекать за задержку. Водитель с серьезным лицом слушал и нетерпеливо топтался на месте.

— Вот не правы вы, Анастасия Терентьевна, не правы, — ответил он и состроил обиженную мину. — Я ехал так быстро, как мог. Но кто ж виноват, что машина сломалась? Никто не виноват. Я с ней потом чуть не половину дня провозился. Вот и товарищ капитан не даст соврять, — кивнул он в сторону стоявшего в сто-

роне Шубина. — Он мне чинить помогал. Вы у него поинтересуйтесь.

Докторша оглянулась, посмотрев на Глеба, вздохнула, махнула рукой и, направляясь обратно к палаткам, бросила на ходу:

— Все, Василий. Но обратно мне чтобы мухой летел и всех живыми доставил.

— Мухой, значит... — проворчал, глядя ей в спину, шофер. — Как я мухой полечу, если у меня полный кузов тяжелораненых будет, а дорога — вся разбита? Вот как?

Последний вопрос был задан Шубину, но, как понял Глеб, ответа он на него не требовал и был озвучен чисто риторически. Оглянувшись, он увидел, как санитары уже загружают в кузов носилки с ранеными и докторша командует ими, забегая то с одной, то с другой стороны и, словно заботливая мать, подправляя свисавшие с носилок одеяла.

— Слышь, товарищ капитан, — дернул Глеба за рукав Василий. — Вам надо по этой дороге пройти вон до тех деревьев, а затем свернуть влево. Там дорожка есть. И пойти по ней до самого леса. Понятно, да? А там, в лесочке, указатель стоит. Возле него найдете кого-нибудь и спросите — где, мол, тут штаб конно-механизированной группы гвардии полковника Соколовского. Вам и покажут.

— Спасибо, — кивнул Шубин и протянул водителю руку для прощания.

Тот несколько удивленно посмотрел на нее, а потом, отерев свою измазанную в мазуте руку о штанину, пожал, улыбаясь.

— Ну ты глянь, что они, гады, вытворяют! — раздалось слева от них возмущенное восклицание какого-то бойца.

Шубин и водитель одновременно повернули головы и увидели трех легкораненых и перевязанных бинтами бойцов, которые смотрели куда-то в сторону дальнего леса. Один из них, с перевязанной ногой, стоял, опираясь на толстую суковатую палку, и одной рукой показывал на начинающее уже алеть на закате небо. Там, в вышине, были видны четыре самолета. Один, судя по очертанию контуров, был явно нашим «Пе-2», а остальные три — более легкие и маневренные немецкие истребители.

— А ну, товарищ капитан, гляньте в свой бинокль, что у них там делается, — попросил водитель.

Шубина не пришлось уговаривать дважды, и он, вскинув бинокль к глазам, начал с волнением наблюдать за происходящей в небе трагедией. А в том, что это была именно трагедия, сомневаться не приходилось. Три «мессершмитта», зажав «пешку» с трех сторон, пытались снизить ее скорость и не дать уйти на нашу территорию, где ей помогли бы уйти от преследования наши зенитчики.

ТЕНЬ НЕМЕЦКИХ КРЫЛЬЕВ

— Не томите, товарищ капитан, — чуть не приплясывая на месте, взмолился водитель, — рассказывайте.

— Две «вафки» и один «швальбе» мордуют нашу «пешку», — сосредоточившись на разворачивающихся в небе событиях, ответил Глеб. — Они явно хотят заставить самолет сесть на нейтральной территории или повернуть обратно, а там, прижав к земле, заставить сесть и захватить в плен самолет вместе с летчиками. Но наши ребята не сдаются и пытаются отстреливаться.

— Ага! — воскликнули разом боец с перевязанной головой и Василий. — Одного все-таки удалось достать!

Шубин наблюдал, как один из «мессеров» все-таки не успел увернуться и попал под пулеметный огонь «пешки». Накренившись вправо и оставляя за собой темную полосу дыма, немецкий самолет стал разворачиваться и снижаться. Он явно не был подбит до конца, и немецкий летчик старался просто успеть посадить самолет на своей территории. Развернувшись и снизившись, самолет полетел низко над землей. Но два остальных «мессершмитта» не отставали и продолжали прижимать наш бомбардировщик к земле. Тот тяжело маневрировал, стараясь не поддаваться на хитрости легкомоторных истребителей. Поняв, что им не удастся заставить наш самолет повернуть или хотя бы сесть там, где им

нужно, немцы перестали церемониться и начали поливать «Пе-2» свинцовым дождем.

Обо всем этом и говорил Шубин водителю и остальным — бойцам, раненым, врачам и санитарам, собравшимся возле него и переживающим за наших летчиков. И вдруг все разом, словно это был один большой организм, а не отдельные индивидуумы, ахнули: немцам удалось все-таки подбить наш самолет, и тот, вспыхнув ярким пламенем, стал быстро падать, оставляя за собой черные клубы дыма. А еще через минуту он, войдя в штопор, врезался в зеленый массив деревьев где-то на нейтральной территории. Но за несколько секунд до этого над падающим самолетом вспыхнул белой звездочкой парашют. «Мессершмитты», сделав разворот и не обращая внимания на парящего к земле парашютиста, умчались восвояси.

— Один из экипажа уцелел, — сказал Шубин, хотя и понимал, что эту белую звездочку, медленно спускающуюся к земле, видно и невооруженным глазом. Но только звездочку, а не самого летчика. Поэтому его утверждение, что прыгнувший с парашютом человек жив, было, скорее, успокаивающим фактором, чем реальным утверждением.

— Ты, капитан, скажи, куда он падает, — нетерпеливо дернул его за рукав один из бойцов. — На нашу территорию или к немцам?